

УДК 821.161.109+94(47)18
ББК 83.3(2=Рус)52-8+63.3(2Рос–4Ки)
Г 41

Редакционная коллегия:

С. Н. Будашкина (составитель)

Н. П. Гурьянова

В. А. Коршунков

В. А. Поздеев

М. С. Судовиков (научный редактор)

Герценовские чтения (X ; 2012 ; Киров)

Г 41 **Десятые Герценовские чтения** [Текст] : материалы Всерос. науч. конф. (Киров, 11–12 апр. 2012 г.) / Киров. ордена Почёта гос. универс. обл. науч. б-ка им. А. И. Герцена ; редкол.: С. Н. Будашкина (сост.) [и др.] ; науч. ред. М. С. Судовиков. – Киров, 2012. – 340 с.

ISBN

Сборник материалов Десятых Герценовских чтений включает новые работы исследователей Санкт-Петербурга, Москвы, Казани, Перми, Сыктывкара, Кирова, Глазова по проблемам творчества А. И. Герцена и вятского периода его жизни, истории и культуры Вятского края.

УДК 821.161.109+94(47)18
ББК 83.3(2=Рус)52-8+63.3(2Рос–4Ки)

А. И. ГЕРЦЕН И ИСТОРИЯ ВЕЛИКОРЕЦКОГО КРЕСТНОГО ХОДА 1830–1840-х гг.

А. В. Маркелов

К истории Великоорецкого крестного хода А. И. Герцен не раз обращался в своих трудах. Более того, даты, связанные с древней вятской духовной традицией, оставили конкретный след в жизни самого Герцена. 19 мая 1835 г. прибыл в Вятку¹, то есть в самый разгар приготовлений к началу крестного хода. Через год, в 1836 г., он лично побывал на великорецком празднике. В 1837 г. в такие же майские дни, во время приезда в Вятку цесаревича Александра Николаевича, в судьбе Герцена наметился поворот, и через несколько месяцев его перевели из Вятки.

В теме, связанной с Герценом и Великоорецким крестным ходом, можно выделить **три этапа** (при определённой условности они помогают структурировать материал). **Первый этап** отразился в переписке Герцена

со своей невестой Н. А. Захарьиной 1835–1837 гг. Исследователи отмечают, что эта переписка – «в своем роде уникальный документ русского и вообще европейского романтизма», а сам Герцен называл её поэмой².

Одним из эпизодов этой поэмы стал и рассказ о Великорецком ходе. 24 мая 1836 г. А. И. Герцен писал: «Сейчас возвратился я с Великой реки и устал ужасно. Но слова два скажу с тобою, ангел мой, прежде чем лягу спать. Торжественность этого национального праздника удивительна. Я приехал туда ночью часа в два, но толпы народа уж не спали, везде шум, крик. Тут ряд телег делает настоящую крепость, и за ним тысячи мужиков, толпы нищих и уродов, толпы черемис, вотяков, чувашей с их странными, пестрыми костюмами, с их наречием. Разумеется, я спать не лег, а бросился в это море людей. Часовня, где образ, стоит под рутою горой... Но нет, не хочу в твоём письме писать об этом, возьми папенькино письмо через Егор. Иван., там найдешь все это»³.

В переписке этих лет Герцена и Захарьиной сильны религиозные мотивы⁴. 19-летняя Наталья живёт искренней церковной жизнью. Она готова быть постоянно в храме, находя там подлинное утешение. Причащается, перед этим вычитывая все необходимое молитвенное правило (письмо за 13 марта 1837 г.)⁵. Герцен же признавался: «Я редко молюсь; молитва в самом деле требует или детскую душу, или высокую простоту» (21 февраля 1837 г.)⁶. Молитва у него, по сути, одна: «О, Господи, когда Ты изведешь меня из этого города!»⁷

Но, конечно, понимая, что религиозные темы близки Наталье, он в этом же письме возвратился к Великорецкому образу. Мечтая о возможной встрече в Москве, Герцен пишет, что «потом готов рассказывать о Николае Хлыновском княгине Марье Алексеевне»⁸.

Второй этап темы «Герцен и Великорецкий крестный ход» связан с «Былое и думами»⁹. Отрывок также достаточно известен: «Это главный летний праздник в Вятской губернии. За сутки отправляется икона на богатом дощанике по реке, с нею архиерей и все духовенство в полном облачении. Сотни всякого рода лодок, дощаников, комяг, наполненных крестьянами и крестьянками, вотяками, мещанами, пестро двигаются за плывущим образом. И впереди всех – губернаторская расшива, покрытая красным сукном. Дикое зрелище это очень недурно. Десятки тысяч народа из близких и дальних уездов ждут образа на Великой реке. Все это кочует шумными толпами около небольшой деревни – и что всего страннее, толпы некрещеных вотяков и черемис, даже татар, приходят молиться иконе. Зато и праздник имеет чисто языческий вид. За монастырской стеной вотяки, русские

приносят на жертву баранов и телят, их тут же бьют, иеромонах читает молитвы, благословляет и святит мясо, которое подают в особое окно с внутренней стороны ограды. Мясо это раздают по кускам народу. Встарь давали его даром, теперь монахи берут несколько копеек за каждый кусок. Так что мужик, подаривший целого теленка, должен истратить грош-другой, чтоб получить кусок себе на снесь»¹⁰.

С этой проблемой – закалыванием телят и баранов – вятские епископы сталкивались ещё минимум чем за сто лет до описываемых событий. В 1733 г. епископ Лаврентий (Горка) приостановил совершение Великоорецкого крестного хода. Одной из причин стало то, что икону везли на стругах. Для этого заготавливали большое количество еды (вплоть до зарезанных баранов)¹¹. Когда струговой староста обратился к Лаврентию с просьбой выдать заимообразно 500 руб., вятский епископ наложил следующую резолюцию: «Первенствующая церковь учредила крестные ходы для всенародного моления с тем, дабы истинные богомольцы со всяким смирением и благоговением принося всемилостивому Богу теплые молитвы, умиловляли праведный гнев Божий, и для того крестным ходом всегда святой пост опоследовал, а не пиршество. Сообразуясь сему первенствующей церкви святому учреждению, и мы поступать так должны»¹². Интересно, что Спасу Колотому – ещё одной местночтимой иконе в с. Верховино в 18-ти вестах от с. Великоорецкого¹³ – также привозили так называемую молебную скотину, то есть зарезанную по обещанию¹⁴. Не делая исчерпывающих выводов, выскажем предположение, что данный обычай определённым образом связан с агнцем – прообразом Христа¹⁵.

Ещё один аспект, связанный с Великоорецким ходом, касается приезда в Вятку 18–20 мая 1837 г. цесаревича Александра Николаевича (будущего Александра II). Герцен писал в «Былом и думах»: «...губернатор, желая им <праздником> потешить наследника, который должен был приехать 19 мая; что за беда, кажется, если Николай-гость тремя днями раньше придет к хозяину? ...по счастью, архиерей был человек сговорчивый и не нашел ничего возразить против губернаторского намерения отпраздновать 23 мая 19-го. Ряд ловких мер своих для приема наследника губернатор послал к государю, – посмотрите, мол, как сына угощаем. Государь, прочитавши, взбесился и сказал министру внутренних дел: “Губернатор и архиерей дураки, оставить праздник, как был”. Министр намылил голову губернатору, синод – архиерею, и Николай-гость остался при своих привычках»¹⁶.

Следует обратить внимание на неточности. Конечно, если и предлагалось перенести дату, то речь шла не о самом празднике, а об отправлении

иконы из Вятки не 21 мая, а 20-го (Н. Бехтерев¹⁷ и архимандрит Никодим (Казанцев)¹⁸ пишут именно об этом). Конечно, возможно, по прошествии времени и забыть о каких-либо подробностях. Но усомнимся в данном обстоятельстве. Во-первых, эпизод с точными датами содержится в письмах Герцена из Вятки, и эта переписка у него хранилась. Во-вторых, в 1838 г. в приложении к «Вятским губернским ведомостям» была опубликована статья, посвящённая Великоорецкому ходу¹⁹. В одной из работ В. Д. Сергеев отмечал, что «установлена принадлежность Герцену вводных и заключительных строк очерка»²⁰.

Скорее, здесь можно говорить об обстоятельстве, на которое обращала внимание Л. Я. Гинзбург. Она отмечала, что действительность «Былого и дум» — «действительность *построенная*», при создании которой автор «превосходно владел основным и могущественным орудием художника — искусства отбора и сочетанием элементов»²¹. В данном случае эпизод с переносом крестного хода вмонтирован в главу о приезде наследника — глава так эмоционально и начинается: «Наследник будет в Вятке! Наследник едет по России, чтоб себя ей показать и ее посмотреть!»²² — и также напрямую связан с последовавшей отставкой Тюфяева (к которому Герцен относился резко отрицательно, а тот же архимандрит Никодим (Казанцев) пишет вполне с сочувствием)²³. Важно понять, пытался ли Герцен донести сведения об обычае резать баранов на Великой до делегации во главе с наследником (есть, по крайней мере, сведения, что он хотел вставить их в уже упоминаемую статью об иконе Николая чудотворца²⁴).

Следует отметить, что в переписке Николая I и наследника история с Великоорецким ходом не упоминается совсем, наследник пишет только то, что меры Тюфяева и его подчинённых «весьма круты», и в итоге приезд Александра, «который должен бы быть радостью для всех, делается всем в тягость»²⁵.

Также отметим момент, напрямую связанный с нашей темой: 18 мая после молебна в Троицком кафедральном соборе цесаревичу торжественно подарили список с Великоорецкого образа святителя Николая²⁶.

И, наконец, **третий этап**, который объективно оказался вне внимания и самого А. И. Герцена, и исследователей. Он касается истории Великоорецкого хода в самом конце 1830 — начале 1840-х гг. О том, что историей заинтересовались в Петербурге на самом высоком уровне, В. Ф. Кудрявцев писал ещё в конце XIX в.²⁷ В Госархиве Кировской области хранится дело²⁸, которое содержит переписку губернатора И. П. Хомутова²⁹ и вятского епископа Неофита (Соснина)³⁰. То, что проблемами на Великой занялись но-

вые руководители светской и духовной власти, считаем принципиальным моментом, позволившим в итоге решить их.

В литературе обычно пишется, что ещё первый вятский епископ Александр (1657–1674) установил твердую дату празднества Великоорецкому образу святителя Николая 24 мая³¹. Вместе с тем архивные документы свидетельствуют: дата Великоорецкого праздника на протяжении всего XVIII в. была плавающей и зависела от нескольких праздников: Пасхи, Вознесения Господня, а также празднования перенесения мощей святителя Николая в город Бар 9 мая³². Эта традиция сохранилась и позже. Еще в 1802 г. крестный ход совершался 22–28 мая с празднованием в с. Великоорецком 25 и 26 мая, «то есть в неделю седмую по Пасхе и в понедельник той же недели»³³. В 1815 г. – 23–29 мая³⁴, в 1816 г. – 21–28 мая³⁵.

Маршрут крестного хода выстраивался так, чтобы богослужение на Великой совершать в воскресный день. Твёрдое расписание – с отправлением из г. Вятки 21 мая, праздником в Великоорецком 24–25 мая и встречей в Вятке 28 мая появилось в документах 1820-х гг.³⁶ (не изменяясь в дальнейшем³⁷). Также начавшаяся ещё в 1780-е гг. традиция Великоорецкого сухопутного крестного хода была закреплена именно в 1830-е гг.³⁸

Итак, внимание Синода к празднику на Великой побудило вятских губернатора и епископа вступить в секретную переписку. 27 августа 1839 г. епископ Неофит писал Хомутову, что необходимо «прекратить, без всякой, впрочем, гласности, главнейшие из существующих беспорядков, как то: закалание близ церкви животных и торговлю их мясом и живыми штуками»³⁹.

Неофит писал, что 21 мая 1838 г., «сопроводив крестный ход из собора до реки Вятки, лично наблюдал за переправою оною чрез реку. Потом на другой день отправился вслед за крестным ходом для наблюдения за порядком в продолжении оною, и наконец упредил оный... в селе Великоорецком»⁴⁰.

Здесь епископ Неофит отслужил в храме и писал Хомутову, что «при сем случае, так же как и во всем следовании крестного хода, никаких беспорядков не заметил... А того трапезного приготовления из приносимых животных, как было в обыкновении прежде, в нынешнем году не было: поелику ныне празднование было во время поста»⁴¹ и предложил правила для совершения крестного хода⁴². Считаем свидетельство вятского архиерея также очень важным, показывающим неоднородность и неоднозначность явления так называемой «молебной скотины».

Хомутов ответил 1 ноября 1839 г. В целом он принял предложения епископа, но не согласился со следующим: «...хотя Вы, изволили изъяс-

нить... что остающихся от трапезного употребления живых овец... желающие покупают из своих выгод за самую малую цену, а именно от 80 коп. до 1 руб. за штуку; почему и нельзя предполагать в сем случае каких-либо суеверных побуждений к покупке с высшею платою; но... я был сам свидетелем, как продающие овец просили по 5, 6 и даже 8 руб. за штуку; это ведет к заключению, что в сем действии, с одной стороны, нельзя отвергать суеверных побуждений в тех лицах, которые покупают овец за высшую плату, считая их как бы освященными, а с другой продающие овец явно изобличаются как в поддержании в народе означенного суеверия, так и в самой корысти...»⁴³

И. Ф. Хомутов писал: «Полагаю достаточным назначить за продажу овец людей добросовестных под непосредственным наблюдением и распоряжением местного церковного старосты, вменив им в обязанность, чтобы ни под каким видом не было распространения в народе каких-либо суеверий, и чтоб цены за овец были выправлены и не были выше обыкновенных; впрочем, если покупающие по своему произволу – из усердия, стали давать более выпрошенной цены, то без сомнения, в этом случае, не должно быть отказа, и всякое жертвование принимать охотно»⁴⁴.

В результате за основу были взяты правила, написанные епископом Неофитом. В частности, «I. крестный ход... в 21 день мая по полудни сопровождать из кафедрального собора до реки Вятки всему градскому духовенству с молебным пением по церковному чиноположению... IV. В селе Великорецком... 2) ...по окончании богослужения в праздник, при шествии крестного хода в часовню над источником – место явления чудотворного образа св. Николая, в особенности полиции наблюдать, чтобы не было стеснения народа при той часовне и оставалось бы место свободное для постановления св. икон и помещения духовенства... 3) Вне церкви за великим множеством стекающихся нищих, в том числе большой части калек и увечных, надлежит по отношению к религии в особенности полиции наблюдать, дабы не было между ними ханжества или пения с примесью религиозных выражений в искаженном виде. 4) Приношение в церковь от крестьян своих изделий, как то холста и льну, поклолику делаются в приличных местах, в преддвериях церковных, при свечной продаже, и ничего противного не заключают... и вырученные деньги записываются в приход церковный законным порядком, – оставить в прежнем виде...»⁴⁵

Что касается момента по забиванию скота, то предлагалось следующее: «5) Вклады от крестьян овец... доселе принимались в близком рас-

стоянии от церкви, в предбудущее время, поколику оных нельзя отринуть без оскорбления народного чувства, отвести в другое отдаленное от церкви место, и именно в поле за лавки, стоящие на северной стороне. И для сего там, на северо-восточном конце за вновь устроенным каменным домом для гостиницы, сделать деревянный небольшой, но вместительный овчарник...; 6) из сих приношений по древнему обыкновению делаемое трапезное приготовление для простого народа... не отменяя, привести, сколько можно, в лучший порядок по примеру монастырских гостиниц, поместив оное в нижнем этаже вышеупомянутого дома... Поелику же дом оный... не имеет той вместительности... построив при оном деревянную кухню, допустить в оном одно приготовление и раскладку уже сваренной пищи, и по благословении с обычным молитвословием пред трапезою раздавать желающим без всякого взимания платы, кроме добровольных подаваний в кружку... 7) Для сего трапезного учреждения... устроить в приличном месте в поле за предполагаемым овчарником обыкновенную бойню для мелкого скота. Устроение сей бойни, равно как постройку кухни, можно сделать за счет сумм, получаемых от приношений, под распоряжением церковного старосты...»⁴⁶

При этом в правилах подчёркивалось, что духовенство не участвует в «этом трапезном учреждении», «кроме благословения чрез одного из священников в доме приготовленных для трапезования яств, с обычным молитвословием». Остающихся после трапезы живых овец «церковный староста имеет необходимость продавать в продолжении ярмарки», при этом «стараться производить сию продажу преимущественно гуртом с показанием количества и сорта проданных овец и означенных имен на случай проверки».

В правилах указывалось, что направлялись «в село Великорецкое... или протоиерей кафедрального собора, он же и благочинный соборов, или ключарь, он же и благочинный градских церквей...»⁴⁷, что, бесспорно, говорило о статусе уполномоченного.

Итак, мы видим, что к 1820-м гг. в истории Великорецкого крестного хода произошёл уход от «плавающей» даты, и ход стал совершаться в конкретные числа – этот принцип соблюдается и по сей день. Разработка и принятие в конце 1830 – начале 1840-х гг. правил совершения Великорецкого крестного хода знаменовали новый этап в его истории. Если в комментариях к будущим изданиям А. И. Герцена эти моменты будут также отражаться, это, на наш взгляд, поможет воссозданию полноценного исторического контекста «Былого и дум».

Примечания

¹ Соболев В. А. А. И. Герцен в вятской ссылке. Киров, 1962. С. 13.

² Гинзбург Л. Я. Автобиографическое в творчестве А. И. Герцена // Герцен и Огарев в кругу родных и друзей : в 2 кн. / отв. ред.: Л. Р. Ланский, С. А. Макашин. М., 1997. Кн. 1. С. 12. (Литературное наследство ; т. 99).

³ Герцен А. И. Сочинения и переписка с Н. А. Захарьиной : в 7 т. СПб., 1905. Т. 7. С. 96.

⁴ Спустя 10 лет, после ряда семейных драм, Наталья Александровна подводила итог в своем дневнике: «Религиозная эпоха наших отношений прошла» (Письма Н. А. Герцен Герцену / ст. и публ. В. Г. Зиминной // Герцен и Огарев в кругу родных и друзей... С. 540). Герцен писал в тот же период: «Зачем женщина вообще не отдается столько живым общим интересам, а ведет жизнь исключительно личную? Зачем они терзаются личным и счастливы личным? Социализм какую перемену внесет в этом отношении?» (Цит. по: Гинзбург Л. Я. Указ. соч. С. 23).

⁵ Герцен А. И. Сочинения и переписка с Н. А. Захарьиной... С. 240–241.

⁶ Там же. С. 233.

⁷ Там же. С. 233.

⁸ Там же. С. 234. В переписке есть важнейший момент религиозного спора об иконе и лампаде, когда Захарьина отвечала (29 января 1837 г.) Герцену: «Ты говоришь: лампада дает свет иконе; да, без нея икона была бы темна, но все также свята, а лампада без иконы просто ночник и только от иконы получает святость» (Там же. С. 222).

⁹ Герцен А. И. Былое и думы / сост., предисл. и коммент. И. Г. Птушкиной. М., 2001.

¹⁰ Там же. С. 245.

¹¹ Зеленин Д. К. Народные присловья и анекдоты о русских жителях Вятской губернии : (этногр. и ист.-лит. очерк) // Зеленин Д. К. Избранные труды : Статьи по духовной культуре, 1901–1913. М., 1994. С. 76–77.

¹² Цит. по: Старина, памятники, предания и легенды Прикамского края : очерк / сост. В. Ф. Кудрявцевым. Вятка, 1897. С. 62.

¹³ Историю Спаса Колотого см.: Маркелов А. В. Влияние местночтимых икон и святых Вятско-Камского региона на общественную жизнь : (на примере Вят. епархии второй половины XVII в.) // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2010. № 3 (1). С. 35.

¹⁴ Зеленин Д. К. Указ. соч. С. 76–77.

¹⁵ См., напр., об этом: Дьяченко Г., протоиер. Полный церковно-славянский словарь. М., 2000. С. 5. (Репр. воспроизведение с издания 1900 г.).

¹⁶ Герцен А. И. Былое и думы. С. 245–246.

¹⁷ Бехтерев Н. О высочайших посещениях Вятской губернии // Столетие Вятской губернии, 1780–1880 : сб. материалов к истории Вят. края. Вятка, 1880. Т. II. С. 835–836.

¹⁸ Из записок преосвященного Никодима Казанского // Тр. ВУАК. Вятка, 1912. Вып. 3. С. 49–50 (Отд. 3).

¹⁹ Икона Николая чудотворца // ВГВ. 1838. № 24 (Прибавл. к № 47). С. 121–124.

²⁰ Сергеев В. Д. У начала «Вятских губернских ведомостей» // Сергеев В. Д. История Вятского края в персоналиях. Вятка (Киров), 2005. С. 15.

²¹ Гинзбург Л. Я. Указ. соч. С. 38.

²² Герцен А. И. Былое и думы. С. 244.

²³ Из записок преосвященного Никодима Казанского... С. 48–50

²⁴ Сергеев В. Д. Указ. соч. С. 15.

²⁵ Венчание с Россией. Переписка великого князя Александра Николаевича с императором Николаем I. 1837 г. М. : МГУ, 1999. С. 42.

²⁶ Бехтерев Н. Указ. соч. С. 237.

²⁷ Старина, памятники, предания и легенды Прикамского края... С. 64–65.

²⁸ Дело об обрядах при празднестве во время хода с явленной иконою св. Николая в Вятской губернии // ГАКО. Ф. 582. Оп. 128 в. Д. 178.

²⁹ Вятский губернатор в 1838–1840 гг. При нём, в частности, в г. Вятке был заложен Александро-Невский собор (Пакина Е. Хомутов Иван Петрович // ЭЗВ. Т. 6 : Знатные люди. Киров, 1996. С. 473–474).

³⁰ Возглавлял Вятскую епархию в 1838–1851 гг. (Вятские епархиальные преосвященные с 1658 по 1914 гг. Вятка, 1914. С. 4). К. Я. Тюфяев был отстранён от должности вятского губернатора в 1837 г. (Пакина Е. Тюфяев Кирилл Яковлевич // ЭЗВ. Т. 6. С. 453), в 1837–1838 гг. этот пост занимал А. А. Корнилов (Титова Т. Корнилов Александр Алексеевич // Там же. С. 211). Епископ Нил (Исакович) был перемещён в апреле 1838 г. на ярославскую кафедру (Вятские епархиальные преосвященные с 1658 по 1914 гг. С. 4).

³¹ Низов В. В. К биографии Александра Вятского // Религия и церковь в культурно-историческом развитии Русского Севера : (к 450-летию преп. Трифона, Вятского Чудотворца) : материалы Междунар. науч. конф. Киров, 1996. Т. 1. С. 36 ; Гомаюнов С., свящ., Балыбердин А., свящ. Вятская епархия в прошлом и настоящем : (к 350-летию создания) // Православие на Вятской земле : (к 350-летию Вятской епархии) : материалы межрегион. науч. конф. [Киров, 5 дек. 2007 г.]. Вятка [Киров], 2007. С. 8 ; Дудин А., протоиер. Великорецкий крестный ход // Великорецкая икона святителя Николая. История и современность. Вятка, 2008. С. 101.

³² Маркелов А. В. Местночтимые иконы и святые в церковно-общественной жизни российской провинции второй половины XVII – начала XX в. : (на примере Вят. епархии) : дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2011. С. 127–128. См. об этом также: Маркелов А. В. Деятельность вятских епископов по собиранию местночтимых икон в Хлыновском Свято-Троицком кафедральном соборе и повышению его статуса как духовного центра Вятской епархии (во второй половине XVII–XVIII вв.) // Человек верующий : материалы Междунар. конф. «Человек верующий в культурах России» (С.-Петербург, 19–20 нояб. 2010 г.). Вып. 2 / отв. ред. Т. В. Чумакова. СПб., 2011. С. 140–142.

³³ ГАКО. Ф. 243. Оп. 1-оц. Д. 261. Л. 3.

³⁴ Там же. Д. 346. Л. 2.

³⁵ ГАКО. Ф. 245. Оп. 1. Д. 117. Л. 2.

³⁶ Там же. Ф. 243. Оп. 1-оц. Д. 359.

³⁷ Там же. Д. 484. Л. 1 ; Д. 539. Л. 3.

³⁸ Маркелов А. В. Местночтимые иконы и святые в церковно-общественной жизни... С. 201.

³⁹ ГАКО. Ф. 582. Оп. 128-в. Д. 178. Л. 2.

⁴⁰ Там же. Л. 2–2 об.

⁴¹ Там же. Л. 2 об.

⁴² Там же. Л. 3–7 об.

⁴³ Там же. Л. 8–9.

⁴⁴ Там же. Л. 9–9 об.

⁴⁵ Там же. Л. 12–13.

⁴⁶ Там же. Л. 13–14.

⁴⁷ Там же. Л. 15–15 об.